

Сергей Богдан

«ВСЕВЫШНИЙ СОЗДАЛ ТЕБЯ СВОБОДНЫМ»: ПУТЬ АЛИ ШАРИАТИ К ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ

Идти за знаниями даже в Китай призывает нас знаменитый хадис. Сторонники исламского движения в Иране, борясь против диктатуры прозападного шаха, отправлялись за знаниями на Запад. В то время как западные знания и технологии лишь неуклонно тянули погрязшего в деспотизме шаха в пропасть небытия, исламские интеллектуалы использовали, казалось бы, те же знания для успешной борьбы за создание исламской республики. Все дело в том, что многие западные идеи заставили их по-новому взглянуть на собственное идейное наследие и ислам. Ведь стремление следовать учению Пророка (с.а.с.) вовсе не означает замкнутости и отказа от коммуникации с иными взглядами, которые зачастую позволяют нам взглянуть на привычные представления с совершенно новой стороны и понять то, что невозможно было осознать с привычных традиционалистских позиций.

В этом смысле полезно взглянуть на пример одного из идейных вдохновителей Исламской революции в Иране, д-ра Али Шариати (1933-1977). Его работы легли в основу идеологии и одной из основных гражданских оппозиционных организаций – Движения за свободу (*Нэхзат-э азоди*), и одной из наиболее успешных партизанских организаций того времени – Народных моджахедов (*Моджахеддин-э хальк*)¹. Наконец его идеи оказали значительное влияние и на идеологические позиции самого вождя революции – аятоллы Хомейни.

Творчество Али Шариати – это попытка вырвать из власти религиозных традиционалистов привычные понятия, показать, как они стали дряхлыми и немощными, “очистить их” и придать этим словам и понятиям, исходя из их предполагаемой первоначальной сущности, трактовку, соотношенную с современностью. “Нужно отмыть слова”, писал иранский поэт Сухроб Сепехри.

Шариати обвиняли в заимствовании левых идей. И тут кроется недоразумение. Ведь ислам как универсальная в идейном плане религия включает в себя **все** разумное для человека, ибо направлен на благо человека в обоих мирах. В западной политической системе разумные идеи как бы “рассеяны” по различным политическим направлениям, борющимся между собой и монополизирующим определенные вопросы. Так, левые говорят о социальной справедливо-

сти, консерваторы – о морали, “зеленые” – сохранении природы. И непонятым будет левый, который вдруг откажется защищать права содомитов. Но давайте зададимся вопросом, почему идеи социальной справедливости должны быть закреплены за левыми атеистами? Ведь Пророк (с.а.с.) фактически выступал за такую справедливость и на словах, и на деле.

Левое движение в Иране в XX в. достигло определенных успехов и, принимая во внимание социальную структуру иранского общества, урбанизацию и индустриализацию, удивляться здесь нечему. Впрочем, к власти левые так и не пришли. Но они заставили верующую молодежь вспомнить о принципах социальной справедливости в исламе и осознать, что традиция Пророка (с.а.с.) требует от верующих бороться с шахской диктатурой за народную свободу; что шах неприемлем не только потому, что нарушает свободу вероисповедания, но и потому, что создает невыносимую социальную ситуацию и попирает моральные и политические нормы.

Идеолог

В такой обстановке начал свою борьбу Али Шариати. Он изучал литературу в Мешхедском университете, а затем получил докторскую степень в парижской Сорбонне. Будущий идеолог революции серьезно занимался религиоведением, историей и социологией. Вернувшись на родину, он начал в конце 1960-х – начале 1970-х гг. делиться результатами собственного осмысления религиозных и общественных вопросов сначала в Мешхедском университете, затем в образовательном центре *Хосэйнийе эршад* (что-то вроде народного университета) в Тегеране, пока центр не был из-за этих лекций закрыт властями, а лектор оказался в тюрьме. Вскоре после

выхода из тюрьмы Шариати умирает в 1977 году, будучи в Лондоне.

Основой разработанной им революционной идеологии был соотнесенный с проблемами современности подход к концепциям ислама вообще и шиитского ответвления, которое преобладает в Иране, в частности. Шариати отмечает: “Левые всегда говорят о народе и о народных массах, хотя, если бы они пришли в какую-то иранскую деревню и призвали всех – портных, крестьян, рабочих – объединиться, а крестьяне спросили у них, мол, откуда вы такие будете, они бы ответили: “От Маркса”. Да ведь их немедленно изгнали бы из той деревни. Но если я пойду к людям с призывом отомстить наконец за имама Хусейна, то они легко поймут мой призыв и примут его”.

Исходным материалом для революционных идей Шариати был традиционный, официально институционализированный, скажем так, “реальный” шиизм. Назовем его так по аналогии с “реальным” социализмом, который в свое время глубоко разочаровал многих марксистов. Так же разочаровывал придворный шиизм с его ненавистью даже к мусульманам-нешиитам иранскую интеллигенцию, пытавшуюся свергнуть прозападную диктатуру. Представители официального духовенства (за исключением немногих диссидентов, скорее реакционно-традиционалистского толка) уживались с тиранией и втолковывали верующим, что, мол, все революции давно закончились и бунтовать против шаха никак нельзя (ведь и он шиит), и вообще стоит дожидаться прихода Махди...

Основы революционной доктрины

Шариати проанализировал основные понятия вероучения и рассмо-

трел их с точки зрения ряда неприемлемых для официальной религии, но популярных среди образованной молодежи концепций. В том числе таких понятий, как поиск истины, усовершенствование, эволюция, свобода воли, диалектика, диалектический антагонизм, скептицизм, свобода и освобождение, отрицание существующего порядка, отчуждение.

Чтобы найти возможность обсуждения аналогов этим (обсуждавшимся в основном западными мыслителями) концепциям, существовавшим, по мнению Шариати, в исламе, он начал изложение своего видения ислама – “исламоведения”, отступив на некоторое время от всей многовековой традиции “реальной” религии и вернувшись даже не к пророку Мохаммаду (с.а.с.), а к Ибрагим, библейскому протцу монотеизма Аврааму.

В 1971 г. он написал: “Под исламоведением я понимаю учение (*мактаб*), принесенное Ибрагимом, которое по существу и есть ислам (*послушание Богу*), поэтому я начинаю рассмотрение исламоведения в том смысле, в каком его основы заложил Ибрагим, и в нем присутствуют христианство, иудаизм и ислам Пророка Мохаммада – все три, и на них я буду ссылаться. Если мы представим учение Ибрагима в виде исламоведения, то все с ними становится ясно. Я нарочно не говорю о них как о самостоятельных религиозных доктринах, чтобы продемонстрировать вам, что ислам есть единая вера (*дин*) в различных формах”.

Утвердив единство религий, происходящих от Ибрагима, Шариати говорит об уничтожении Ибрагимом идолов как о попытке одновременно искоренения всякой общественной и политической несправедливости и неравенства. Понимание действительного значения и важности уничтожения идолов есть необходимая предпосылка для понимания ре-

лигиозного движения, начатого Ибрагимом. Утверждение единства между всеми людьми и ликвидация классовых отличий является общественной основой принципа единобожия.

По его словам: “Ибрагим пришел, чтобы сокрушить тот лживый религиозный аппарат в его болезнетворной и тираноправдательной трактовке, созданный ради сохранения классовой, расовой и национальной дискриминации и угнетения, дискриминации на основе происхождения и родословной, а также классовых отличий”. Шариати обращается и к более широким обобщениям о том, что отличительной чертой авраамистических религий (то есть тех, которые происходят от Авраама-Ибрагима – иудаизма, христианства и ислама) в сравнении с другими религиями и сектами есть то, что великие пророки авраамистических религий монотеизма вышли из среды обездоленных и ограбленных и, начиная свою миссию, они, не колеблясь, призывали обездоленных к борьбе против тиранов и угнетателей.

Символы и смыслы

Именно в контексте авраамистического учения Шариати рассматривает и понятие “ширка”. Он указывает на то, что ширк есть символ классового общества, полного дискриминации, а каждая скульптура или изображение идола есть своеобразный символ определенного класса, расы (или народности) либо определенного этапа общественного развития. “Истинными многобожниками были лицемерные священники-жрецы, которые на протяжении всей истории оправдывали общественную несправедливость и существующий строй”. Учитывая тогдашние прошахские позиции официальных шиитских клириков, эти слова воспринимались как тонкий намек на современность. Ша-

риати принимал марксистский подход к возникновению классового общества и отмечал, что экономический строй, основанный на частной собственности, не может существовать без согласия эксплуатируемых масс, которые должны быть для этого убеждены в “естественности и соответствии воле Всевышнего” существующего строя.

Многобожие и идолопоклонство, объяснял Шариати, распространялось представителями зажиточных властвующих классов, и возникли эти явления для оправдания и укрепления экономического строя, связанного с тиранией, угнетением и дискриминацией, которые в свою очередь возникли как следствие специализации и разделения труда. Движение Ибрагима с социологической точки зрения было примечательным феноменом, поскольку стремилось путем борьбы с классовой дискриминацией и создания бесклассового общества (что есть окончательная цель монотеистических религий) покончить с существующей тиранией. Таким образом, Шариати описывал многобожие (*ширк*) в широком смысле как общественно-экономический строй, основанный на классовом угнетении, а единобожие (*таухид*) как общественно-экономический строй, основанный на бесклассовом обществе. Он отмечал, что Ибрагим поднял восстание против слепой воли истории ради своей любви к человечеству и отсутствие объективных условий для восстания не сдержало Ибрагима от исполнения своих обязательств как человека. Человека, послушного Всевышнему – мусульманина. Обязательства эти заключаются в сопротивлении всем формам угнетения и дискриминации. Шариати характеризовал движение Ибрагима как извечное движение человечества, а обязанность мусульман совершать хадж,

как напоминание всем мусульманам о послании Ибрагима – призыве восстать за свободу против пут, которые на нас накладывает классовое общество и лжерелигия, и идти к Единому.

Рассмотрев истоки понятия многобожия, Шариати, обращаясь к современности и призывает переосмыслить понятие ширк. Ширк, по мнению Шариати, заключается не только во внешнем отсутствии признания, уважения и послушания Богу, но и может принимать куда более отвратительный облик, когда проявит себя в виде совершения действий, которые находятся исключительно в компетенции воли Всевышнего. Каждый, кто осуществляет такие действия, ставит себя на место Бога – что есть наихудший из грехов.

Еще одним подобным грехом нужно назвать слепое повиновение и абсолютную преданность чему-то или кому-то, кроме Бога. Любая идеология и любое учение превращаются в подлинное язычество и безбожие, когда человек подчиняется им бездумно и безоговорочно. Это касается и ислама, поскольку идолом может быть не только святая гора или камень, но и непонятная молитва, некий ритуал, исполняемый с магическими целями (чтение суры «Юсуф», чтобы вынашиваемый ребенок был красивым). Идолы есть даже у тех, кто объявляет себя атеистом – ими может быть одержимость финансовыми вопросами или преданность партии.

Впрочем, по мнению Шариати, эти два греха, как правило, сосуществуют. “Каждый, кто навязывает свою волю народу, и руководит, как ему захочется, претендует таким образом на то, что принадлежит одному лишь Всевышнему, и каждый, кто соглашается с таким положением вещей, мгновенно превращается в неверного, ибо абсолютная власть, абсолютная воля, восхваление и возвеличивание могут

принадлежать лишь Богу”. То же касается и духовенства. “Если мы восхваляем какого-то клерика (*рухони*), выражаем наше обожание, принимаем все, что бы он ни сказал, подчиняемся любым его приказам, слепо перенимаем его направление мыслей, то в этом случае мы превращаемся в безбожников и язычников, и я назвал бы это “мусульманским язычеством”. Шариати не упускал возможности обрушиться на “официальную” религию, говоря о ее реакционности и угнетательской роли, на основе которой возникает “тирания вероучения и духовенства”.

Идеолог Исламской революции не очень беспокоился об обрядности. Он напоминал о примере имама Хусейна, который прервал обряд хаджа, чтобы немедленно пойти в бой против тирании в Кербеле. Это означает, что религиозные ритуалы и обряды являются безусловно нужными и уместными как приоритет лишь в обществе, которое уже находится на правильном пути. Ибо они есть символы борьбы и стремления к правде. Но если нужно и возможно вести саму борьбу, то первоочередное внимание следует уделять именно ей, а уж затем символам. Эти символы важны прежде всего в мирное время.

Ход истории и судьба

Борьба должна основываться на позиционировании человека как свободного существа во вселенной. Шариати отметил, что в философии ислама человек, будучи свободным, одновременно подвержен действию предопределенности (*джабр*). Но детерминизм – это не слепая судьба-мактуб бедуинов. Эта предопределенность заключается в законах исторического развития (эволюции) общества, которое стремится к абсолюту либо идеалу. Это развитие – “прогресс (*такамоль*) истории, направленный на пробуждение Бога в челове-

ке”. Конечно же, основным путем этого прогресса и общественных изменений является диалектическое развитие. Шариати принимает схему исторического развития Маркса, но в отличие от Маркса, который считал, что движущей силой революций и общественного развития является тот или другой общественный класс, Шариати полагал, что действительной такой силой является народ (*нас*).

Постулат шиитского ислама о том, что двенадцатый “скрытый” имам вернется и положит конец несправедливостям, Шариати трактовал как требование верить в то, что “победоносная всемирная революция должна стать окончательной фазой и результатом великого движения за справедливость, направленного против тирании и угнетения”. Что, собственно, является неизбежным в результате развития общества.

В “Исламоведении” указаны и те силы, которые препятствуют прогрессу, и, противясь Божественной воле, тормозят общественное развитие. Это – все те, кто монополизировал экономическую, политическую и религиозную власть и могущество. Потенциал, заключенный в экономической, политической и религиозной сферах общественной жизни, принадлежит всем людям и есть милость Всевышнего, ниспосланной всем, а не избранным. Логическим продолжением этих размышлений была идея народовластия.

Революция и демократия...

Борясь с тиранией шаха, Шариати доказывал необходимость бороться за демократию, исходя из установлений веры. Он отмечал, что, с политической точки зрения, ислам основан на демократии и волеизъявлении народа, а проявлением этого принципа является понятие “совета-*шурь*”. Совет является основой демократиче-

ского управления, а также одной из социально-политических основ настоящего исламского общества. Механизмом осуществления этой цели является принцип согласия общины (*иджма*) – третий, после Корана и Традиции Пророка, источник исламского права. Шариати указывает на принцип согласия общины как на систему принятия решения, основываясь на мнении большинства.

Одновременно он подчеркивает, что ислам первоначально не дискриминировал меньшинства и даже своих открытых оппонентов и противников, приводя ряд примеров (в частности иудейского меньшинства). Али Шариати подчеркивает, что фанатизм (*таассоб*), направленный на уничтожение оппонентов и инакомыслящих, охватили исламское общество лишь спустя пять-шесть столетий после смерти Пророка. Одновременно он напоминает о неотделимости прав личности от ислама и цитирует слова Али ибн Абу Талиба *“Не будь ничьим невольником, ибо Всевышний создал тебя свободным”*.

Борясь с широко распространенным значением слова таассоб как неприятия инакомыслия, Али Шариати выдвигает другой вариант его значения – как твердой *убежденности*. Убежденности, необходимой как проявление ответственности и обязательств в отношении определенной идеи, принятой в результате размышлений. Такая убежденность, по его мнению, есть положительная черта. Ведь без нее любые убеждения превратятся в безответственные спекуляции.

Человеческое равенство, по мнению Шариати, есть не подлежащее сомнению естественный принцип, на котором должна основываться личная и общественная жизнь мусульман. Это утверждение он подкрепляет ссылкой на указание Корана, что все люди созданы из одной субстанции,

а посему никто не выше других, и никто не имеет права навязывать свою волю другим. Этот принцип должен соблюдаться и в исламской экономике, и все члены общества должны иметь возможность пользоваться общественным достоянием. Это же касается и равенства мужчин и женщин, которые “происходят из единого источника и единой материи”.

... и революционная диктатура

В книге “Община и имамат” Шариати пишет: “Ислам не просто является идеологией, направленной на создание лучшего человека и примерного для всего человечества общества, но и сам является социальной революцией, направленной на создание бесклассового, свободного, основанного на принципах всеобщего участия и справедливости общества, состоящего из сознательных, свободных и ответственных лиц”. Но создать его вовсе не просто, а потому на время переходного революционного периода в обществе предлагается установить режим “управляемой демократии”, целью которого является построение идеального общества на основе революционной идеологии. Предводителем и руководителем этой демократии должен быть в определенном смысле совершенный человек, избранный большинством (имам). Шариати пытается перестроить понятие имама, которое в традиционном шиитском понимании использовалось прежде всего в отношении исторических двенадцати имамов. Некоторые мыслители-исламисты еще до Шариати переосмысливали эту концепцию, особенно что касается двенадцатого скрытого имама-освободителя. Джалаль Ал-е Ахмад заявил, что каждый верующий, с оружием в руках выступивший против тирании угнетателей, может считаться этим двенадцатым

“скрытым” имамом. Шариати смягчил крайне широкую трактовку Ал-е Ахмада и пояснил: “Имамат является прирожденным правом, которое следует из свойств самого лица, источником имамата является сам имам, неважно, назначенный или нет, избранный или нет – он имам, ибо обладает определенными личными добродетелями; поэтому несущественно, где он находится – в тюрьме или на трибуне мечети Пророка, не имеет значения, подчиняется ему вся община или он вообще признан лишь считанными людьми”. Соответственно, в процессе руководства имам не нуждается в утверждении со стороны народа и он не отчитывается перед народом иначе, как только в соответствии со справедливостью и собственным чувством ответственности. Как раз эти идеи стали обоснованием для занятия имамом Хомейни после революции высшего руководящего поста – Вождя революции. Первыми ему в этом помогли сторонники Шариати.

Исходя из этой теории революционной диктатуры, Шариати трактовал и историю начала раскола среди уммы. Дескать, Пророк (с.а.с.) назначил Али, поскольку на период революционного переходного периода существовала необходимость в таком революционном вожде, а формально демократические выборы были на тот момент неуместными. К полной демократии нужно переходить, завершив революционные преобразования. Но люди, пребывавшие в плену старых дореволюционных порядков, нарушили завет Пророка (с.а.с.) и избрали другого руководителя, который не мог быть предводителем (имамом) и фактически повинен в деградации идеи Халифата, а также компрометации принципов, за которые боролся пророк. И такой подход Шариати к вопросу руководства в Халифате был кардинально новым, ибо “реальный” шиизм го-

ворил о почти наследственном принципе передачи власти, оправдывая этим раскол общины после смерти Пророка и не доискиваясь каких-либо морально-философских причин!

Призыв к борьбе

Шариати выводит и сам призыв к борьбе из понятия, номинально не чуждого «реальному шиитскому исламу» - «ожидания» (*энтэзар*). Страдиционалистских позиций “ожидание” служило оправданием пассивной бездеятельности, молчаливого самоустранения в ожидании “скрытого имама”, ушедшего в 874 году. Шариати возвращает понятию его первоначальный революционный смысл, поясняя, что под ожиданием следует понимать на самом деле продолжение поисков путей к освобождению и сохранение готовности к претворению в жизнь своих идеалов. Таким образом, ожидание, по Шариати, превращалось в движение протеста и борьбы. “Тот, кто не протестует – тот не ждет. Кто ожидает прихода имама – тот протестует против тирании”.

Шариати подкреплял призыв к борьбе напоминанием о том, что именно народные массы являются движущей силой и основным фактором общественных преобразований. Говоря о том, что первопричиной всех суеверий, лжи, низости и отсталости является “порочная тройка” – незнание, страх и жадность, Шариати объявляет, что защититься от этой тройки могут лишь убежденные в принципах единобожия (монотеизма) люди, ибо они живут согласно с принципами, руководствуясь которыми, стремятся избежать погони за земными, шкурными интересами, страха, ибо знают, что бояться допустимо лишь кары Всевышнего, идолопоклонства и ненужных страстей, и лишь Бог заслуживает абсолютного преклонения.

Шариати характеризует иде-

ального сторонника единобожия, и эта характеристика одновременно является описанием идеального мусульманина-революционера: “Человек независимый, надежный, бесстрашный, лишенный чувства стяжательства и жадности, который не ощущает необходимости в чем-то материальном”. Позже Шариати переименует эту абстрактную фигуру сторонника единобожия в моджахеда-революционера.

Таким образом, имеющий вполне традиционные формы призыв к борьбе с язычеством фактически был призывом к восстанию, а “монотеистическое мировоззрение” оказалось действенным инструментом революции, используя который народные массы должны были побеждать лживых богов и тиранов. Во главе революционного авангарда должны были встать готовые к самопожертвованию моджахеда, образ которых в произведениях Шариати во многом берет свое начало из концепций революционного мистицизма.

Мистицизм и революция

Суфизм в Иране многие проклинают – за то, что он якобы способствовал задержке в развитии страны. Шариати рассмотрел мистицизм и выделил в его огромном массиве два течения. Одно – равнодушное к окружению, последователи которого, ища внутренней чистоты и единства с Богом, не хотели бы иметь ничего общего со всем земным. Этот мистицизм подталкивает людей к самоизоляции и отвлекает их внимание от окружающего зла, делает их пассивными. Его примерами являются аскеты вроде Баязида Бистами.

Но рядом с таким реакционным мистицизмом существует прогрессивный суфизм, который учит человека освобождению от пут официальной религии и классового угнетения.

Этот мистицизм, по мнению Шариати, существовал ранее в Иране, в форме протонародной традиции так наз. “молодечества” (*футувват*). Стремясь к чистоте и благородству, последователи этого учения не забывали о любви к ближним, спешили на помощь бедным и обездоленным. В своей любви к народу они жертвовали всем и, подобно влюбленным, что стремятся к встрече, несмотря на все трудности, с радостью вступали на путь борьбы. Как и следовало ожидать, по мнению Шариати, наилучшим примером такого человека был четвертый халиф Али.

Шариати заменял старый суфийский принцип “преходящести *земного и достижения вечности во Всевышнем*” на “преходящести *земного и достижения вечности в созданиях Божиих*”. Таким образом, героическая смерть партизана в борьбе за народную свободу превращала его в фигуру, равную легендарным мистикам вроде Халладжа, ибо каждый из них умер ради любви и заслужил вечность. Впрочем, идеолог Исламской революции постоянно подчеркивал, что о недопустимости пренебрежения проблемами окружающей земной жизни говорит и “обычный” ислам, а не только некоторые суфии. Он, ссылаясь на пакистанского поэта Мухаммада Икбала, напоминал: “Вера ислама не одномерна, ибо она не является ни чистой политикой, ни абсолютной мистикой. Для ислама важны и тот, и этот мир”.

Уже после освобождения из тюрьмы в 1976 г. Шариати, стремясь придать своим идеям более религиозный характер, вновь обращается к мистицизму и роли мистиков в осуществлении революции. Он развивает идею о противостоянии мистиков и духовенства. По мнению Шариати, в идеале мусульманам нужна идеология, в рамках которой Бог освобожден от монополии на него и его представи-

тельство, узурпированной институтами религии, свобода вырвана наконец из когтей капитализма, а равенство – из оков марксизма. Именно такая идеология, мол, и позволит человечеству достигнуть высочайших вершин в своем развитии.

В своей книге автобиографических очерков Али Шариати неутомимо подчеркивает освободительную роль мистицизма в противостоянии с “реальным” вероучением и их непримиримый антагонизм. Он соглашается, что некоторые люди действительно теряются в бесплодном мистицизме, но отмечает, что *“тот, кто чувствует на себе ответственность нечто строить, разве не должен учиться разрушать? Только тот может умереть ради любви [к живым], кто уже увидел смерть жизни своими глазами”*. А это возможно либо в результате неких экстремальных обстоятельств, либо в результате мистических упражнений.

Двух лет не дожил Али Шариати до

победы исламского движения в Иране. Впрочем, революция 1979 года глубоко разочаровала некоторых его сторонников. Пытаясь воплотить в жизнь свой идеал, они столкнулись с каменной стеной традиций и аппаратом вековой тирании. Уже через два года к власти в Исламской Республике пришли более консервативные элементы, стремившиеся сохранить существующие порядки. Этому способствовало и иракское вторжение, начавшееся в сентябре 1980 года.

1980-1983-е годы стали периодом установления единственно правильной идеологии в версии имама Хомейни, сопровождавшегося массовыми казнями несогласных. Как пишет известный историк Ирванд Абрахамян, Хомейни подпал под влияние идей Шариати в части построения революционной диктатуры и даже перенял некоторую его фразеологию, но “шариатистам” от этого было ничуть не легче...

Вильно, Литва

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Родство нынешней Организации моджахедов иранского народа (МКО) с одноименной организацией, упоминавшейся в статье, скорее номинальное. Не углубляясь в историю, считаем нужным предостеречь, что под декорациями МКО сегодня таются совсем другие идеи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Abrahamian Ervand, *Iran between two Revolutions*. Princetone, Princeton University Press, 1982. Персидский перевод: Tehran: Nashr-e Ney, 1383 (5-е изд.).
2. Digard Jean-Pierre, Bernard Hourcade et Yann Richard. *L'Iran au XXe siècle*. Paris: Fayard, 1996. Персидский перевод: Tehran: Nashr-e Alborz, 1378. (2-е изд.).
3. Rahnema Ali, *An Islamic Utopian: a Political Biography of Ali Shariati*. London: Taurus, 2000. Персидский перевод: Tehran: Gom-e Nou, 1381.
4. Шариати Али. *Собрание сочинений в 35 томах. Издание Центра упорядочения и сохранения наследия д-ра Али Шариати. (на персидском языке)*.

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор рассматривает путь политической борьбы и эволюцию идей видного иранского мыслителя Али Шариати (1933-1977), оказавшего значительное влияние на формирование идеологии Исламской революции в Иране. Автор в достаточно сжатой форме излагает основные моменты социально-политической доктрины этого мыслителя-революционера.

Сергей Анатольевич Богдан (Вильнюс, Литва) - преподаватель Департамента политических наук Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва). E-mail: zmysla@yahoo.com